

ББК 63.3(2)44; УДК 94(47).043

Ю. Ф. Игуна

КАЗУС ШЛЕМА ИВАНА ГРОЗНОГО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Шлем Ивана Грозного (1530–1584) считается одним из двух дошедших до нас предметов защитного вооружения, принадлежавших представителям московской ветви династии Рюриковичей. Этот шлем, причисленный из-за богатства отделки к категории церемониального или «парадного» оружия, традиционно относят к великокняжеским военным регалиям, о которых известно немного¹. Уникальность и «высокое происхождение» данного памятника объясняют интерес к нему со стороны специалистов, особенно тех, кто занимается проблемами репрезентации власти. Разумеется, обращение к шлему Ивана Грозного как к особому типу источника имеет неоспоримый потенциал, тем более что оружия из царской казны доромановской эпохи практически не сохранилось. Но прежде чем привлекать исторический памятник в качестве источника, его необходимо всесторонне изучить и правильно понять. К сожалению, почти все вопросы, которые возникают при атрибуции шлема Ивана Грозного (происхождение, датировка, место изготовления, авторство, обстоятельства создания, имя заказчика и т. д.), пока не имеют ясного и обоснованного ответа и никогда не становились предметом критического анализа. Настоящая статья представляет

¹ Обзорная статья по этой теме: *Левыкин А. К.* Русское церемониальное оружие XVI–XVII вв. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004. С. 383–408.

собой попытку рассмотрения ключевых проблем, связанных с пониманием этого памятника, и возможных направлений поиска их решения.

Шлем хранится в Королевской Оружейной палате (*Livruskammaren*) в Стокгольме (инв. № 20389)², куда он попал, если верить инвентарной описи 1663 г., в 1655 г. из Варшавы³. О том, как шлем оказался в Варшаве, еще в XIX в. задумался А. А. Бобринский, предположивший, что шлем был захвачен поляками в Москве в 1611–1612 гг.⁴ Известно, что кремлевская казна понесла в тот период значительные потери и многие ценные предметы были вывезены в Речь Посполитую и проданы. Так, в грамоте, отосланной Земским собором в Краков в 1613 г. с гонцом Д. Аладыным, сказано: «*А царскую казну, многое собрание из давних лет, царские утвари, царские шапки и коруны... к вам отослали*» (здесь и ниже выделено мной. — Ю. И.)⁵. К сожалению, процитированный документ не дает нам возможности узнать, какие именно ценности исчезли из царской казны в польском направлении. Поэтому, при всей своей убедительности, версия А. А. Бобринского остается недоказанной⁶.

Рис. 1. Шлем Ивана Грозного. Общий вид. Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20 389 (2634). Фотография © *Livruskammaren*. Фотограф — *Jens Mohr*.

В 2009 г. пресс-службой Оружейной палаты Музеев московского Кремля была озвучена новая шведская гипотеза о появлении шлема в Стокгольме. Суть ее сводится к тому, что шлем попал к шведам в 1573 г. во время битвы близ замка Лоде, когда они «*под командованием Класа Экенссона Тотта* (Класа Окессона Тотта⁷. — Ю. И.) *разбили русские войска*» и «*захватили большое количество трофеев*»⁸. Действительно, в «Ливонской хронике» упоминается, что шведами у русских был «*отнят весь обоз*,

² Орел и лев: Россия и Швеция в XVII веке / Под ред. Н. С. Владимирской. Каталог выставки (Москва, ГИМ, 04.04. – 01.07. 2001). М., 2001. С. 56–57, кат. № 3.

³ *Sandstedt F.* Schischak-Szyszak-Zischägge. Analys av åatta hjäälmar av orientalistisk typ i Livrustkammaren // *Livruskammaren*. Stockholm, 1985. Vol. 17. № 7. S. 14.

⁴ *Бобринский А. А.* Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1898. Т. X. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325.

⁵ Цит. по: *Лаврентьев А. В.* Царевич-царь-цезарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. СПб., 2001. С. 188–189.

⁶ Опираясь на «Отчеты расходов царской казны, после разгрома Москвы поляками, 1611–1612 гг.», О. Г. Ульянов пробовал документально обосновать обстоятельства исчезновения шлема из московской казны. Эту попытку трудно назвать удачной, так как в приведенном историком источнике шлем не упоминается (с Казенного двора «*немцем дано из оружейных ружьяди за рогатину да за 2 самопала 10 рублей, да 6 самопалов 50 рублей*») (*Ульянов О. Г.* Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 361–362).

⁷ *Clas Åkesson Tott* (1530–1596), шведский государственный и военный деятель. Известен по русским источникам как Клаус Акесон или Акезен.

⁸ Шлем Ивана Грозного. Анонсы событий. Музеи Московского Кремля // URL: www.kreml.ru/ru/news/exhibition/archive/index.php?id_4=267 (дата посещения — 05.06.2013). О захваченных в битве при Лоде трофеях см.: *Krigsbyte. War-booty* / Red. Ann Grönhammar, Carl Zarmén, Schmidt Göran. Katalog till utställningen (Stockholm, Livrustkammaren, 23 november 2007 – 28 februari 2009). Stockholm: Livrustkammaren, 2007. S. 53.

около 1000 саней, нагруженных всякими припасами и добычей»⁹. Однако сам по себе эпизод захвата трофеев не может считаться доказательством того, что именно этот шлем попал к шведам в 1573 г.

Другими словами, происхождение шлема Ивана Грозного пока покрыто мраком. Мы не располагаем никакими достоверными сведениями о том, как он оказался в Стокгольме, и при каких обстоятельствах исчез из Москвы. Сам факт присутствия шлема в казне московских царей требует доказательства, так как никаких свидетельств о его существовании до середины XVII в. пока не предъявлено¹⁰.

Шлем Ивана Грозного представляет собой открытый шлем, состоящий из купола и приклепанного к нему высокого узкого навершия-шпиля. По материалу изготовления он относится к классу железных, по конструкции купола — к отделу цельнокованых, по форме тульи — к типу сферо- или цилиндрикоконических. Вес шлема — 1180 г, высота — 38 см, диаметр — 19 см¹¹. Нижняя кромка шлема украшена узкой латунной полоской, которая крепится к шлему на заклепках и в трех местах утрачена. Чуть повыше полосы видны два заклепанные отверстия, расположенные диаметрально противоположно друг другу и предназначенные для крепления подшлемника. Венец шлема имеет повреждение — сквозную пробоину.

Декоративное оформление шлема выполнено в трех разных техниках. Мне представляется, что весь золотой декор сделан не набивной (поверхностной) таушировкой (насечкой), как это принято считать, а хризографией (роспись золотом), которая лежит в основе всех приемов таушировки, но ими не исчерпывается. О том, что речь идет не о насечке или инкрустации (врезная таушировка) золотом, а о росписи (кистью или пером) золотом по металлу, свидетельствуют места утраты позолоты на шлеме. В настоящее время мне трудно уточнить, каким именно способом нанесен золотой орнамент на шлем (огневое золочение амальгамой, хлорное золочение, использование золотосодержащей краски с дальнейшим прокаливанием, либо применение золотого лака), однако, на мой взгляд, таушировка не имеет к нему отношения.

Шпиль шлема декорирован заполненными мелким золотым узором прямоугольниками, расположенными в шахматном порядке. Конусообразный купол шлема образован вертикальными чередующимися гранями: гладкими (без декора) и украшенными затейливыми золотыми арабесками с характерным мотивом трехлепестковых бутонов. Дугообразные горизонтальные линии, обозначающие нижнюю границу граней на венце шлема, выполнены врезной таушировкой (серебром), которая нигде больше на шлеме не встречается.

По венцу шлема расположены три горизонтальных декоративных пояса. На верхнем из них размещен орнамент, имитирующий арабское письмо. Он выполнен в двух техниках: контур орнамента сделан гравировкой резцом, а его внутренняя поверхность расписана золотым «чешуйчатым» узором. Нижний пояс украшен теми же золотыми арабесками с мотивом трехлепестковых бутонов, что и вертикальные грани купола. Между двумя орнаментальными поясами проходит узкая лента с золотой кириллической надписью, которая

⁹ Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края / Под ред. Е. В. Чешихина-Ветринского. Рига, 1879. Т. 2. С. 298–320.

¹⁰ По мнению О. Г. Ульянова, шлем Ивана Грозного упомянут в разряде 1570 г., где указывается о поступлении в Оружейную палату «самопалов и шелома» (Ульянов О. Г. Институт оружейничих... С. 361–362). Очевидно, что в этом описании невозможно узнать какой-либо конкретный шлем.

¹¹ Орел и лев... С. 56.

Рис. 2–5. Шлем Ивана Грозного. Детали. Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20389 (2634). Фотография © Livrustkammaren. Фотограф — Jens Mohr.

является владельческой и признается основным датирующим признаком предмета.

* * *

Кириллическая надпись выполнена полууставом: «Шеломъ кна`са` Ивана Васили<~>евича · вел`иког.ω кна`са` сна<~>Васил`яа Ивановича г.оподар<~>ра` всеа` Руси · самодержца<~>». Данное археографическое оформление надписи предложено С. Н. Богатыревым¹², впервые отметившим места, где текст прерывается орнаментом¹³. Иллюстрирующие надписи изображения (рис. 2, 3, 4, 5)¹⁴ позволяют убедиться в том, что надпись передана абсолютно верно.

Надпись состоит из 86 букв и разделена орнаментом на четыре части по 22, 21, 23, 20 букв. Все слова в надписи написаны без сокращений, за исключением слова «с[ы]на». Внутрострочные точки («кна`са`», «вел`иког.ω», «Васил`яа», «г.оподар»», «всеа`») в действительности являются надстрочными знаками. Декоратор шлема упростил и сместил их, скорее всего, по эстетическим соображениям: для правильного размещения знаков над строкой

¹² Богатырев С. Н. Шпка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // Петербургские славянские и балканские исследования. СПб., 2011. № 1 (9). Январь–июнь. С. 187.

¹³ Места, где надпись прерывается орнаментом, отмечены скобками <~>.

¹⁴ Изображения шлема, выполненные в высоком разрешении и незаменимые при анализе деталей декоративного оформления, были предоставлены автору статьи Королевской Оружейной палатой в 2012 г. Автор выражает благодарность за содействие Анне Мари Дальберг и Саре Диксон.

пришлось бы уменьшить высоту букв. Преобразование надстрочных знаков придыхания над буквами омега (ѡ) и он (Ѣ) во внутрискрипные, смещенные к основанию букв точки («*вел'икѡг.ѡ*», «*г.ѡсподарѡ*»), видимо, объясняется стремлением декоратора придерживаться равного межбуквенного просвета.

С точки зрения смысла, надпись ясна: (название предмета, на котором сделана надпись) *шелѡмъ* (титул владельца предмета) *кнѡ'са'* (имя владельца) *Ивана Василіевичѡ* (указание на кровное родство по прямой линии, совмещенное с указанием на титул кровного родственника по прямой линии) *вел'икѡг.ѡ кнѡ'сна Васил'іа Ивановичѡ г.ѡсподарѡ'всѡѡ'Руси · самѡдержѡца*. Другими словами, надпись сообщает, что шлем принадлежит князю Ивану Васильевичу, сыну великого князя, государя всея Руси и самодержца Василия Ивановича. С исторической точки зрения, надпись достоверна. Как мы знаем, князь Иван Васильевич, будущий Иван Грозный, был сыном московского правителя Василия III (1479–1533) и его второй супруги Елены Глинской (1508–1538). Мы также знаем, что он был долгожданным ребенком и его появлению на свет предшествовал многолетний бездетный брак Василия III с первой супругой, Соломонией Сабуровой (1490–1542), развод с которой правитель, отчаянно желавший иметь наследника, осуществил, несмотря на сопротивление части церковных иерархов, князей и бояр. Также известно, что Василию III не пришлось долго наслаждаться отцовством и не удалось поднять на ноги своего наследника. Внезапная и скоротечная болезнь унесла Василия III в могилу, когда его сыну Ивану было всего три года. В результате этого драматичного поворота истории на московском престоле в 1533 г. оказался малолетний ребенок, а Московское государство было ввергнуто в череду событий, которые принято называть политическим кризисом 30–40-х гг. XVI в.

Несмотря на ясность и историческую достоверность надписи, она не дает нам прямого ответа на вопрос о времени создания шлема, и потому этот вопрос является в историографии дискуссионным. Ключевым датирующим признаком исследователи признают титул «князь», употребленный в надписи по отношению к Ивану IV, однако расходятся во мнениях по этой проблеме и датируют шлем по-разному. Так, по мысли одних специалистов¹⁵, титулование Ивана Васильевича князем указывает на его статус наследника при действующем правителе Василии III. Поскольку Иван Грозный родился в 1530 г., а в 1533 г. его отец Василий III скончался, шлем относят к 1530–1533 гг. В рамках этой гипотезы выделяется точка зрения С. Н. Богатырева, который попытался конкретизировать время и обстоятельства создания шлема. Хотя в надписи на шлеме не содержится ни даты, ни указания на заказчика, С. Н. Богатырев относит заказ шлема к Василию III, а датой изготовления предмета называет 1533 г., в котором будущему Ивану IV исполнилось три года. На этом основании шлем Ивана Грозного причисляется ученым к «династическим шлемам наследников», изготовление которых, по мысли автора, практиковалось Рюриковичами еще со времен Ивана Красного (1326–1359). Создание шлема связывается С. Н. Богатыревым с легитимацией прав Ивана Васильевича на престол, необходимость которой возникла у Василия III в

¹⁵ Из отчета, датированного июнем 2009 г., Е. Г. Арутюновой и Н. В. Курьяновой, сотрудников астраханского Музея Боевой славы, где шлем был выставлен на временную экспозицию в 2009 г.: «Надпись на шлеме Ивана Грозного гласит: “Шелѡм князя Ивана Василіевичѡ великого князя сына Василия Ивановичѡ государя всея Руси самѡдержѡца”. Если судить по этой надписи, то можно предположить, что шлем (скорее всего) был изготовлен приблизительно в 1533 г. (до 4 декабря 1533 г. — года смерти отца Ивана Грозного великого князя Василия Ивановичѡ). Если бы шлем был сделан позже 1533 г. (но не позже 1547 г. — года венчания на царство Ивана Василіевичѡ), то надпись гласила бы (возможно) следующее: “Шелѡм великого князя Ивана Василіевичѡ...”». Выражаю признательность Анне Марии Дальберг за предоставленную копию отчета.

связи с возможными претензиями на трон его братьев, удельных князей Андрея и Юрия¹⁶. По заключению других специалистов¹⁷, титул «князь» указывает на статус Ивана IV до его венчания на царство в 1547 г., исходя из чего шлем датируют 1533–1547 гг.

Датировка шлема на основе владельческой надписи, вопреки существующим в научной традиции разногласиям, имеет однозначный ответ, который следует из хронологии титулования Ивана Грозного. Титул «князь» — родовой, «породный», или, как говорили, «честь породная» — Иван Грозный носил с момента своего рождения и был обязан ему своим происхождением. Этот титул фигурирует в докончальных грамотах от 24 августа 1531 г. между Василием III и удельными князьями Юрием¹⁸ и Андреем¹⁹, в которых братья Василия III отказываются от претензий на престол и признают законным наследником великого князя его старшего сына Ивана. Перемена в титулатуре малолетнего князя Ивана Васильевича связана с изменением его политического статуса. Фактически она произошла 23 ноября 1533 г., когда незадолго до своей смерти, наступившей в ночь с 3 на 4 декабря 1533 г., Василий III в присутствии доверенных лиц официально объявил о своем решении передать престол старшему сыну или, по сообщению Псковской I летописи (Продолжение Погодинского списка), «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану, и нарече его сам при своем животе великим князем»²⁰. В согласии с волей покойного правителя, 6 декабря 1533 г. в Успенском соборе в присутствии высшего духовенства и бояр состоялось торжественное поставление малолетнего Ивана IV на великое княжение²¹. Вслед за этим «по всем градом вотчины его» прошло целование креста новому государю, а потом наместники и дьяки «по государеву веленью приведоша весь Великий Новгород к целованию великому князю Ивану Васильевичю всея Руси самодержцу»²². По достижении совершеннолетия в 1547 г. великий князь Иван Васильевич, как известно, был венчан на царство, приняв титул «царь всея Руси», который с тех пор стал основным титулом правителя Московского государства. Иными словами, если принимать употребленный в надписи титул «князь» за датирующий признак, единственно возможным периодом появления шлема следует считать 1530–1533 гг., точнее — отрезок времени с момента рождения Ивана IV до его поставления на великое княжение. Более поздняя датировка недопустима, поскольку титул «князь» был неприменим по отношению к московскому государю в каком бы то ни было контексте.

Сказанное означает, что мы должны иметь дело со шлемом, предназначенным для ребенка максимум трех лет. Однако проблема в том, что шлем Ивана Грозного, с точки зрения его метрических параметров, нельзя назвать детским. Доказать это

¹⁶ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 192–193.

¹⁷ Киртичников А. Н. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Л., 1976. С. 29, рис. 8; Ульянов О. Г. Институт оружейничих... С. 361–362; Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 443, рис. 1.

¹⁸ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 443–448, № 160–161 (далее — СГГД).

¹⁹ Грамота не сохранилась.

²⁰ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 106.

²¹ По сообщению Новгородской II (Архивской) летописи, «месяца декавриа 7042 умер князь велики Василей Иванович в 4 день на праздник святы мученици Варвары; да поставили сына его на великое княжение Ивана Васильевича в 6 день на праздник святого Николы чудотворца» (ПСРЛ. Т. 30. С. 147).

²² Цит. по: Крам М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 85.

утверждение можно, сравнив указанный шлем с другими шлемами того же типа (группа I по Ю. А. Миллеру)²³. Так, в собрании Государственного Эрмитажа находятся четыре подходящих для сравнения предмета: шлем с псевдонадписью (З. О. 7613), его масса — 1260 г, диаметр — 20 см, высота — 39 см²⁴; шлем с декоративной медной пластиной (З. О. 7853), его масса — 1360 г, диаметр — 19,8/20,2 см, высота — 38 см²⁵; шлем с арабской надписью (В. О. 1248), его масса — 1430 г, диаметр — 20,3/21,5 см, высота — 38,5 см²⁶; шлем с наушами (З. О. 7854), его масса — 1630 г, диаметр — 21,5/20,7 см, высота — 35 см²⁷. Все перечисленные шлемы относятся к категории обычных, «взрослых» шлемов, и иллюстрируют характерные для таких шлемов метрические параметры: масса — 1200–1600 г, диаметр — 19–25 см, а высота — от 35 см и выше. Очевидно, что шлем Ивана Грозного, масса которого, напомним, 1180 г, высота — 38 см, а диаметр — 19 см, вполне сопоставим с этими шлемами. В то же самое время он существенно отличается по массе от единственного имеющегося в нашем распоряжении детского шлема. Речь идет о хорошо известном шлеме для трехлетнего царевича Ивана Ивановича (1554–1581), сына Ивана Грозного, из собрания Оружейной палаты московского Кремля (ОР-9)²⁸. Его масса составляет 697,5 г, а диаметр — 18,3 см, то есть он почти в два раза легче, чем шлем Ивана Грозного. Именно масса шлема Ивана Грозного, значительно отличающая его от детского шлема Ивана Ивановича и в то же время сближающая его со взрослыми шлемами, позволяет усомниться в том, что он предназначался ребенку.

Защитное вооружение обычно создавалось по индивидуальному заказу, с учетом метрических данных того, кому оно предназначалось. Практика изготовления детских доспехов, хорошо изученная на западноевропейском материале²⁹, иллюстрирует это правило, распространявшееся, кстати сказать, и на дипломатические дары³⁰. О том, что такая практика имела место и при дворе московских правителей, по крайней мере со времен Ивана Грозного, можно судить по дошедшим до нас детским доспехам и их элементам, представленным в собрании Оружейной палаты московского Кремля³¹. В связи с этим, рассматриваемый шлем, если признавать его принадлежность малолетнему Ивану IV,

²³ Выражаю благодарность сотрудникам Арсенала Эрмитажа Ю. Г. Ефимову и В. Образцову за возможность детально ознакомиться с упомянутыми предметами.

²⁴ *Miller Y. A. Various Categories of Oriental Helmets From the 16th and 17th Centuries and Their European Derivatives // Vaabenhistoriske Aarbøger / Red. Ole Skøtt. Vaabenhistorisk Selskab / Devantier, Næstved, 2006. № 51. P. 58, fig. 6, 7.*

²⁵ *Ibid.* P. 57, fig. 5 (инв. № В. О. 7854 не корректен).

²⁶ *Ibid.* P. 53, fig. 1.

²⁷ *Ibid.* P. 55, fig. 3.

²⁸ Государева Оружейная палата / Сост. И. А. Комаров, А. К. Левыкин, Е. А. Яблонская и др. СПб., 2002. С. 44, кат. № 2.

²⁹ *Миллер Ю. А. Детское и миниатюрное оружие XVI–XVII вв. в собрании Эрмитажа. СПб., 2006.*

³⁰ В числе западноевропейских примеров — несколько детских комплектов защитного вооружения, выполненных миланским мастером Лучио Марлиани (1538–1607) и подаренных в 1585 г. Карлом Эммануилом I, герцогом Савойским (1562–1630), малолетнему брату своей жены Каталины Австрийской (1567–1597), будущему испанскому королю Филиппу III (1578–1621) (Лондон, Музей Виктории и Альберта, 144–1921, М. 143&A 1921; Мадрид, Королевский Арсенал, В-1, В-3, В-4, В-5; Нью-Йорк, Музей Метрополитен, 19.128.1–2; Турин, Королевский Арсенал, С 52).

³¹ Кроме уже упомянутого шлема царевича Ивана Ивановича, известны подростковый доспех (ОР-304) и два детских доспеха (один из них — ОР-304), которые принадлежали сыновьям царя Алексея Михайловича (1629–1676).

представляется мне вещью странной, не имеющей исторических аналогов и противоречащей тому, что мы знаем о традиции изготовления доспехов и их применении. Не совсем ясно, для чего этот шлем предназначался, так как он довольно массивен для ребенка и не несет на себе никакой «династической» символики.

На мой взгляд, утверждение С. Н. Богатырева, что шлем «служил напоминанием членам династии, прежде всего братьям Василия III, о том, что наследником престола являлся его сын Иван»³² (то есть предназначался для манифестации наследного права Ивана Грозного на московский трон), сомнительно.

Основанием для такого заключения служит титулование в надписи на шлеме Ивана Васильевича князем. Хотя специального титула наследника престола в Московии не существовало, известно, что начиная с Ивана III (1440–1505), имелся обычай именовать наследников *великими князьями*. Так, в 1498 г. Иван III объявил наследником и венчал на великое княжение своего внука Дмитрия (1483–1509), который до опалы, произошедшей в 1502 г., титуловался в документах великим князем³³. Лишив Дмитрия-внука права на престол, Иван III отнял у него и великокняжеский титул. По свидетельству летописца, Иван III «положил опалу на внука своего *великого князя* Дмитрея и на мать его на великую княгиню Елену, и от того дни *не велел* их поминати в ектеньях и литиах, ни *нарицати великим князем*»³⁴. В 1502 г. Иван III официально объявил наследником Василия III. По сообщению летописи, Иван III «пожаловал сына своего Василиа *благословил и посадил на великое княжение Володимерское, и Московское, и всеа Русии самодръжцем*»³⁵. Иными словами, для декларации права князя Ивана Васильевича на престол в распоряжении Василия III был политический обычай наречения наследника великим князем, апробированный еще его отцом. Василий III этим обычаем не воспользовался³⁶ или, скорее, не успел воспользоваться, видимо, потому, что в 1530–1533 гг. его сын был еще слишком мал. Кроме того, острой необходимости в этой процедуре не было, так как Василий III находился тогда в расцвете сил и не ожидал своей скорой кончины. Смертельный недуг застал великого князя врасплох, о чем свидетельствует тот упоминаемый в «Повести о болезни и смерти Василия» факт, что духовное завещание Василию III пришлось составлять, находясь на смертном одре, поскольку имевшееся в наличии было составлено еще до появления старшего сына. Разумеется, с самого рождения Иван IV подразумевался наследником. Тем не менее, я убеждена, что титул «князь», употребленный в надписи на шлеме, не имеет коннотации «наследник» как в силу политической традиции наречения наследников великими князьями, так и потому, что князей было много (другие возможные кандидаты на

³² Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 187.

³³ Бурсон А. Е. Чин поставления на великое княжение Дмитрия-внука и проблема византийского идейно-политического наследия в конце XV – начале XVI века. // Византийский временник. М., 1997. Т. 57 (82). С. 110–129.

³⁴ ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 242.

³⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 242. — Еще раньше, в 1499 г., Иван III Василию «*вины... отдал*» и «*нарек его государем великим князем, дал ему Великий Новгород и Псков, великое княжение*» (ПСРЛ. Т. 4. Л., 1925. Ч. 1. Вып. 2. С. 531).

³⁶ В докончальных соглашениях Василия III с удельными князьями Андреем и Юрием об объявлении князя Ивана наследником говорится как о проекте. Так, в тексте грамоты, составленной от имени Василия III, находим: «*А придет Божья воля, возметь Богъ меня Великого Князя, а благословлю сына своего Ивана своими Великими Княжествы*». Ср. с текстом грамоты, составленной от лица князя Юрия: «*А придет Божия воля, возметь Богъ тобя моего Господина Великого Князя, а благословишь сына своего Князя Ивана своими Великими Княжествы*» (СГГД. Ч. 1. С. 444, 446–447, № 160–161).

московский трон — братья Василия III и его младший сын Юрий — тоже были князьями). На мой взгляд, надпись на шлеме не отражает особый политический статус князя Ивана Васильевича, и потому шлем не имеет ничего общего с «напоминанием членам династии» о праве Ивана Грозного на престол.

Мои сомнения в принадлежности шлема к «династическим шлемам наследников» связаны и с его происхождением. По убеждению С. Н. Богатырева, шлем был заказан Василием III в рамках развернутой им идеологической «программы воссоздания древних церемониальных головных уборов, которые были по разным причинам утрачены ко времени правления Василия»³⁷. При всей своей привлекательности эта гипотеза не подкреплена историческими свидетельствами, и потому ее доказательство до сих пор остается за С. Н. Богатыревым.

Надпись на шлеме не дает основания усмотреть заказчика в Василии III. По своему типу она является владельческой, и в ней нет ничего, что указывало бы на причастность московского государя к созданию шлема. Строго говоря, она не показывает присутствия заказчика вообще, как и признаков того, что шлем был изготовлен специально для малолетнего князя. К такому заключению можно прийти, рассмотрев надпись на шлеме в контексте русской эпитафической традиции и сравнив ее с надписями на предметах вооружения, принадлежавших русской знати XV–XVII вв. В данном случае нам полезны только те тексты, которые содержат сведения о владельцах и заказчиках.

Памятников вооружения XV–XVII вв., имеющих *владельческие* надписи, довольно много. К ним относятся: рогатина великого князя тверского Бориса Александровича (1398–1461) с надписью «РОГАТИНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ БОРИСА ОЛЕКСАНДРОВИЧА» (Оружейная палата музеев Московского Кремля (далее — ОПММК), ОР-57)³⁸; подсадачный нож князя Андрея Ивановича Старицкого (1490–1537) с надписью «КНЯЗЯ ОНДРЕЯ ИВАНОВИЧА ЛЕТА 7021 (1513)» (ОПММК, ОР-64/1-3)³⁹; кольчуга князя Петра Ивановича Шуйского (ум. 1564 г.), на медной запоне которой надпись: «КНЯЗЯ ПУТРОВЪ ИВАНОВИЧА ШУСКГОВА» (ОПММК, ОР-19)⁴⁰; сабля Бориса Михайловича Лыкова-Оболенского (1576–1646) с надписью «САБЛЯ БОЯРИНА КНЯЗЯ БОРИСА МИХАЙЛОВИЧА ЛЫКОВА-ОБОЛЕНСКОГО» (ОПММК, ОР-4432/1-2)⁴¹; сабля князя Федора Михайловича Мстиславского (ум. 1622 г.) с надписью «САБЛЯ КНЯЖ ФЕДОРОВА МИХАЙЛОВИЧА МСТИСЛАВСКОГО» (ОПММК, ОР-205/1-3)⁴²; палаш боярина И. В. Измайлова с надписью: «ПОЛАШЪ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЗМАЙЛОВА ШРОУЖИЕ БО ВОИНЪСТВА РОТИВНЫХЪ НИЗЛАГАЮЩЕ ВОЗНОШЕНИЕ / И ГОТОВО ИМУЩЕ ШТОМЩЕНИЕ ВСАКОГО НЕПОСЛУШАНИЯ К МУЖЕСТВУ ЖЕ НЕОСЛАБНОЕ ПОКАЗУЕТЪ ВОЖДЕЛЪНИЕ / ДА ИАКОЖЕ ОУСЕРДИЕ ХОТЪНИЮ ТАКОЖЕ И СКОНЧАТИ / ПОЕЛИКО АЩЕ КТО ИМАТЬ / АЩЕ БО ОУСЕРДИЮ ПРЕДЛОЖИТЬ СОВЕРШЕНИЕ БЛАГОПРИАТЕНЪ ЕСТЬ / АЩЕ ЖЕ И СМРТЬ НЕ ИНО БО ЧТО ТОЧЮ ПРЕХОЖЕНИЕ КО ШБИТЕЛЕМЪ НЕВЕЩЕСТВЕННЫМЪ» (Государственный исторический музей (далее — ГИМ), 68257 2666/1-2 ор)⁴³; чекан с

³⁷ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 193.

³⁸ Государева Оружейная палата. Кат. № 58.

³⁹ Государева Оружейная палата. Кат. № 49.

⁴⁰ Государева Оружейная палата. Кат. № 14.

⁴¹ Искусство блистательной Порты. The Art of the Sublime Porte / Сост. И. И. Вишневская, А. К. Левыкин. Каталог выставки (Москва, Музеи Московского Кремля, 16 декабря 2008 г. — 15 марта 2009 г.). М., 2008. Кат. № 11.

⁴² Государева Оружейная палата. Кат. № 34.

⁴³ Арндт В. В. Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М., 1928. Т. 4. С. 22. — Иначе надпись передана А. В. Лаврентьевым (см.: Лаврентьев А. В. Итальянский меч и его русские владельцы

кинжалом в рукояти князя Василия Ивановича Туренина-Оболенского (1587–1633) с надписью «КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ТУРЕНИНА АБОЛЕНСКОГО» (ОПММК, ОР-52/1-2)⁴⁴; булава царя Михаила Федоровича (1596–1645) с надписью «БОЖИЕЮ МИЛОСТІ МЫ ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ ВСЕЯ РУСИИ САМОДЕРЖЕЦ» (ОПММК, ОР-130)⁴⁵; булава боярина Ильи Даниловича Милославского (ум. 1668) с надписью «БУЛАВА БОЯРИНА ИЛЫИ ДАНИЛОВИЧА МИЛОСЛАВЪСКАГО» (ОПММК, ОР-131)⁴⁶.

Приведенные выше эпиграфические тексты манифестируют только владельцев предметов и не упоминают о происхождении вещей. Каким бы путем это оружие ни досталось их хозяевам (было приобретено, передано по наследству, захвачено в качестве трофея и т. д.), во всех указанных случаях происхождение предмета было не настолько значимым для обладателя, чтобы отразить его в надписи, которая наносилась по распоряжению владельца. В тех случаях, когда обстоятельства обретения оружия считались достойными увековечивания, мы встречаем владельческие надписи иного типа. В числе примеров: зеркало царя Михаила Федоровича с надписью на заднем щитке: «ПОВЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ, ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ВСЕЯ РУСИИ, СДЕЛАНЫ СИИ ЗЕРЦАЛА В ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО ГОСУДАРСТВА ЕГО, ПО ПРИКАЗУ КРАЙЧЕГО МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА САЛТЫКОВА ДЕЛАЛ МАСТЕР КОНОВАЛОВ, А ВЫТРАВЛИВАЛ И ЗОЛОТИЛ НЕМЧИН АНДРЕЙ ТИРМАН, ЛЕТА 7124 (1616), ИЮЛЯ В 29-Й ДЕНЬ»⁴⁷ (ОПММК, ОР-124); сабля царя Михаила Федоровича с надписью «SY TESAK SDEELAN POWELENIEM GOSSUDARA TZAIRA I WELIKOVO KNESA MICHAILA FEODOROWITCHA VSEA RRUSYI V PAETOIE LEETO GOSSUDARSTWA IEBO MAESETZA M // PO PRIKASU KRAITSHEVO Y ORUSCHNITSHEVO MICHAILA MICHAILOWITSCHA SALTIKOWA DEELAL MASTER NIAL PROSWIT» (ОПММК, ОР-136/1-3)⁴⁸; зеркало царя Алексея Михайловича с надписью на заднем щитке: «СДЕЛАНЫ СИИ ЗЕРЦАЛА ПОВЕЛЕНИЕМ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА, ПРИ БОЯРИНЕ И ОРУЖНИЧЕМ ПРИ БОГДАНЕ МАТВЕЕВИЧЕ ХИТРОВЕ С ТОВАРИЩИ, В ЛЕТО

эпохи Смутного времени // Архив русской истории: Сборник Российского государственного архива древних актов. М., 2007. Вып. 8. С. 77).

⁴⁴ Государева Оружейная палата. Кат. № 61.

⁴⁵ Государева Оружейная палата. Кат. № 53; Древности Российского государства. М., 2007. С. 365, 367, рис. 84.

⁴⁶ Государева Оружейная палата. Кат. № 52.

⁴⁷ На переднем щитке: «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ, ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ, ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЕЦ, ВЛАДИМИРСКИЙ, МОСКОВСКИЙ, НОВГОРОДСКИЙ, ЦАРЬ КАЗАНСКИЙ, ЦАРЬ АСТРАХАНСКИЙ, ЦАРЬ СИБИРСКИЙ, ГОСУДАРЬ ПСКОВСКИЙ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СМОЛЕНСКИЙ И ТВЕРСКОЙ, ЮГОРСКИЙ, ПЕРМСКИЙ, ВЯЦКИЙ, БОЛГАРСКИЙ / И ИНЫХ ГОСУДАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НОВГОРОДА, НИЗОВСКИЕ ЗЕМЛИ, ЧЕРНИГОВСКИЙ, РЯЗАНСКИЙ, РОСТОВСКИЙ, ЯРОСЛАВСКИЙ, БЕЛОЗЕРСКИЙ, ЛИФЛЯНДСКИЙ, УДОРСКИЙ, ОБДОРСКИЙ, КОНДИЙСКИЙ И ВСЕЯ СИБИРСКИЕ ЗЕМЛИ И СЕВЕРНЫЕ СТРАНЫ ПОВЕЛИТЕЛЬ И ГОСУДАРЬ И ВСЕЯ ПЕРМСКИЕ ЗЕМЛИ, КАРТАЛИНСКИХ И ГРУЗИНСКИХ, ЦАРЬ КАБАРДИНСКИЕ ЗЕМЛИ, ЧЕРКЕССКИХ И ГОРСКИХ КНЯЗЬ И ИНЫХ МНОГИХ ГОСУДАРСТВ ОБЛАДАТЕЛЬ» (Древности Российского государства. С. 334, рис. 43).

⁴⁸ Древности Российского государства. С. 410. — Существует иной вариант передачи надписи: «SY TESAKS ISCELAN POWELENIEM GOSSUDRA IWELIKOEO KNIESA MICHAILA FEDOROWITCHA VSEA RRUSYI V PATOIE LEETO GOSWDARSTVA EVO MASETZA M // POPRIKASU KRAITSHEVO Y ORUSCHNITSINEVO MICHAILA MICHAILOWITSCHA SALTIKOWA DELAL MAESTER ILIAII PROSWITS» (Государева Оружейная палата. Кат. № 35).

7178 (1670)»⁴⁹ (ОПММК, ОР-126/1-2). Ясно, что речь идет о предметах, сделанных по заказу самих владельцев. Причастность обладателя к созданию оружия, то есть выступление владельца и в роли заказчика, имела особое значение, и потому фиксировалась в надписи.

Надпись на шлеме Ивана Грозного относится к владельческим надписям первого типа: она называет владельца, при этом умалчивает о происхождении предмета и его заказчике. Мне представляется, что шлем не был заказан и подарен малолетнему князю Ивану Васильевичу его отцом. Такого рода дар, тем более если он имел политический подтекст, как считает С. Н. Богатырев, прежде всего подразумевал надпись иного рода.

Идеальным примером, иллюстрирующим мой тезис, является уже упоминавшийся шлем царевича Ивана Ивановича, сделанный по заказу его отца Ивана Грозного в 1557 г. Именно этот шлем признан С. Н. Богатыревым аналогичным по своей природе шлему Ивана Грозного: оба предмета, как считает ученый, были заказаны отцами-правителями для своих сыновей-наследников и имели один и тот же символический смысл — манифестировали права наследников на престол⁵⁰. Между тем надпись на шлеме Ивана Ивановича сообщает: «ПОВЕЛЕНИЕМЪ БЛАГОВЕРНАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЯ ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЦА СДЕЛАН ШЕЛОМ СЕЙ БЛАГОВЕРНОМУ СЫНУ ЕГО ЦАРЕВИЧУ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ В ЧЕТВЕРТОЕ ЛЕТО РОЖДЕНИЯ ЕГО В ПРЕИМЕНИТОМ ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ В ЛЕТО 7065 ИЮЛЯ В 8 ДЕНЬ»⁵¹. Как мы видим, по своему типу надпись является не владельческой, а *дарственной*. Эпиграфические тексты, составленные по той же самой формуле, мы находим и на других царских дарах, дошедших до нас из московской казны⁵². В надписи названы сначала заказчик (Иван Грозный), затем одариваемый им сын (царевич Иван), кроме того, обозначены место (Москва) и точная дата (8 июля 1557 г.) создания предмета.

Очевидно, что надпись на шлеме царевича Ивана имеет совершенно иную природу, чем надпись на шлеме Ивана Грозного. Если первая сделана от лица заказчика, то вторая — от лица владельца. Это обстоятельство не позволяет считать шлемы аналогичными друг другу по происхождению и распространять наши выводы о первом предмете на второй. Поскольку надпись на шлеме Ивана Васильевича не называет заказчиком Василия III, мы не можем утверждать, что шлем был заказан им. Заказчики и дарители, особенно из великокняжеских семей, как правило, упоминались в эпиграфических текстах. О том, что Василий III не был исключением из этого правила, свидетельствуют письменные источники. Так, в духовной грамоте Дмитрия Ивановича Жилки (1481–1521), брата Василия III и третьего сына Ивана III, встречаем «ковш большой грановитый, что дал мне князь великий

⁴⁹ На переднем щитке: «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ЦАРЬ И ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ И МАЛЫЯ И БЕЛЫЯ РОССИИ САМОДЕРЖЕЦ, И МНОГИХ ГОСУДАРСТВ И ЗЕМЕЛЬ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ И СЕВЕРНЫХ ОТЧИЧЬ И ДЕДИЧЬ НАСЛЕДНИК, ГОСУДАРЬ И ОБЛАДАТЕЛЬ» (Древности Российского государства. С. 341, рис. 49–52).

⁵⁰ *Богатырев С. Н.* Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 191.

⁵¹ См. примеч. 28.

⁵² Так, на саккосе митрополита Дионисия — поминальном вкладе Ивана Грозного по его погибшему в 1581 г. сыну Ивану — написано: «ПОВЕЛЕНИЕМ ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА БОЖИЮ МИЛОСТИЮ ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЦА СДЕЛАН БЫСТЬ СЕЙ СВЯТИТЕЛЬСКИЙ САК В СВЯТУЮ СОБОРНУЮ ЦЕРКОВЬ ПРЕЧИСТЫЯ БОГОРОДИЦА ЦАРСТВИЯ МОСКОВОГО ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ДИОНИСИЮ МИТРОПОЛИТУ И ПО НЕМ ПРОЧИМ МИТРОПОЛИТОМ ПО СЫНЕ ЕГО ПО БЛАГОВЕРНОМ ЦАРЕВИЧЕ КНЯЗЕ ИОАННЕ ЦАРСКОГО ЕГО УКРАШЕНИЯ И В ЗЛАТЕ И ЖЕМЧУГЕ ЛЕТА 7091 ГОДА МАРТА В 30 ДЕНЬ» (ММК, ТК-2766) (Искусство блистательной Порты. Кат. № 77).

Василий, венец у него писан золочен, имя великого князя *Василия Ивановича всея Руси*», «пять ковшов, што мне дал князь великий *Василий*, а венцы у них писаны, имя великого князя *Василия Ивановича всея Руси*» и «две братины, что мне дал князь великий *Василий*, а на них по четыре кружка золоченых, а в них писано имя великого князя *Васильево*»⁵³.

Отмеченные выше особенности надписи на шлеме, метрические характеристики шлема, а также отсутствие на нем «династической» символики, связанной с великокняжеской властью и Московским государством, не позволяют рассматривать шлем Ивана Грозного в одном ряду со шлемом Ивана Ивановича, причисляя его к «династическим шлемам наследников». Кроме того, само построение такого ряда видится мне неубедительным, поскольку механизм обоснования прав наследника на престол с помощью шлема неясен, а прецеденты неизвестны. Идея С. Н. Богатырева о существовании в великокняжеской семье практики использования «шлемов наследников» как особого типа династических головных уборов со времен Ивана Красного, завещавшего в 1359 г. своим сыновьям Дмитрию (будущему Донскому) и Ивану (Малому) золоченые шлемы-шишаки⁵⁴, представляется надуманной. В доиндустриальных обществах вооружение, особенно украшенное, всегда причислялось к наиболее ценному имуществу и по возможности передавалось по наследству, поэтому упоминание двух «золотых» шишаков в духовной грамоте Ивана Красного не означает, что их следует рассматривать как изготовленные специально для наследников и непременно имевшие идеологическую программу⁵⁵. Тем более что в духовных грамотах великих князей после Ивана Красного ни о каких «золотых» шлемах больше не упоминается, и мы не располагаем свидетельствами о бытовании такого типа династических головных уборов вплоть до царствования Ивана Грозного⁵⁶. Шлем царевича Ивана является,

⁵³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее — ДДГ). М.: Л., 1950. С. 411–413, № 99.

⁵⁴ Каждому из сыновей Ивана Красного достался «чечак золот с камнем с жемчуги» (ДДГ. С. 16, № 4).

⁵⁵ Так, в духовной грамоте Ивана Юрьевича Патрикеева (1419–1499), князя, боярина и воеводы при Василии II и Иване III, находим: «А што моих *доспехов*, и теми *доспехи* дети мои Василей да Иван, поделятся» (ДДГ. С. 348, № 86). В завещании рузского князя Ивана Борисовича (1483–1503) встречается: «А что моя *служилая рухлядь*, *доспехи* и кони, то перед моим государем, великим князем» (ДДГ. С. 352, № 88). Более подробная роспись оружия содержится в духовной грамоте волоцкого князя Федора Борисовича (1476–1513), брата рузского князя Ивана Борисовича: «Дати ми Ивану Фомину сыну Иванова *саблю булатную гирейскую* (крымско-татарскую. — Ю. И.) <...> да *розатицу* (тяжелое копьё. — Ю. И.), да *колтак ордынской*» и далее: «Дати ми Вериги Иванову сыну Есипова *наколенки* (наколенники. — Ю. И.)» (ДДГ. С. 407, № 98). В завещании угличского князя Дмитрия Ивановича Жилки (1481–1521), брата Василия III и третьего сына Ивана III, мы сталкиваемся с украшенными шлемами: «А в казне моей <...> да два *чичака золоты*, один *грановит* (то есть, с канелюрами. — Ю. И.), а на обоих *яхонты сини* (сапфиры. — Ю. И.) да *зерна гурмыские* (жемчуг, добываемый в Персидском заливе, близ острова Ормуза. — Ю. И.)» (ДДГ. С. 410–411, № 99).

⁵⁶ С. Н. Богатырев, разделяя мнение В. А. Кучкина, полагает, что дальнейшая судьба шлемов из казны Ивана Красного прослеживается в духовных грамотах Дмитрия Донского (1350–1389). По мнению ученого, золотой шлем, полученный Дмитрием в наследство от своего отца Ивана Красного вместе с золотой саблей и золотой перевязью, скрывается в первом завещании (1371–1374 гг.) Дмитрия под термином «золотой доспех», а во втором (1389 г.) — под термином «золотая снасть». Под теми же словами, по убеждению историка, подразумевается в духовных грамотах Дмитрия и второй золотой шлем, полученный братом Дмитрия княжичем Иваном (1354–1364) в наследство от их отца Ивана Красного и перешедший в казну Дмитрия после смерти его брата Ивана в 1364 г. Согласно второй духовной грамоте Дмитрия, «золотую снасть» унаследовал его третий сын Андрей Можайский (1382–1432). Хотя мы не располагаем духовной грамотой Андрея Можайского, С. Н. Богатырев убежден, что шлемы достались после

на мой взгляд, единственным головным убором, который можно рассматривать как «шлем наследника». Его появление связано не с предшествующей политической традицией, а с личностью Ивана Грозного и его представлениями о власти, которые, безусловно, нуждаются в осмыслении в данном контексте. Созданный первым московским царем прецедент

смерти Андрея его второму сыну Михаилу Верейскому-Белозерскому (ум. 1486 г.). Упоминание о золотых шлемах (и о каком-либо вооружении вообще!) отсутствует в духовных грамотах Михаила. Тем не менее, ученый считает, что шлемы перешли во владение Ивана III, назначенного Михаилом распорядителем его движимого имущества. Казна Михаила, оставаясь в Белоозере, была завещана Иваном III его сыну Василию III. Таким путем, по мысли С. Н. Богатырева, шлемы сыновей Ивана Красного вернулись в великокняжескую сокровищницу и были использованы Василием III при создании Шапки Мономаха, которая хранится сейчас в Оружейной палате (*Богатырев С. Н.* 1) Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 183–186; 2) Еще раз о Шапке Мономаха и казне московских князей // Петербургские славянские и балканские исследования = *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2011. № 2 (10). С. 252–253). Предложенная С. Н. Богатыревым гипотеза построена на череде допущений и домыслов, произвольна, и потому слаба в научном отношении. Прежде всего, она игнорирует то обстоятельство, что «шлемы наследников», представлявшие, по мысли автора, наряду с «золотой шапкой» особый тип династических головных уборов, не упомянуты в духовных грамотах Дмитрия Донского отдельно и, более того, в завещаниях последующих предполагаемых владельцев их след вообще теряется. Как верно подмечено ученым, «золотая шапка», признаваемая в научной традиции наследственным головным убором великих князей, не только регулярно упоминается в духовных грамотах, но и передается по строгому принципу — старшему сыну. И здесь С. Н. Богатыревым обойден молчанием еще один важный факт: оба «шлема наследников» Ивана Красного, символизировавшие, по словам ученого, преемственность великокняжеской власти, были завещаны (в составе «золотой снасти») только третьему сыну Дмитрия Донского Андрею Можайскому, в обход его старшего брата Василия (будущего Василия I), унаследовавшего «великое княжение» и «золотую шапку», и старшего брата Юрия (Галицкого), стоявшего вторым из сыновей Дмитрия в очереди на великокняжеский трон. Такое имущественное решение свидетельствует о том, что Дмитрий Донской не придавал «золотой снасти» символического значения, по крайней мере того, которое ей приписывается С. Н. Богатыревым. Еще более неудачной мне видится реконструкция истории шлемов после смерти Андрея Можайского. Факт наличия шлемов в казне Андрея Можайского к концу его жизни остается недоказанным, как и то, что они достались в наследство именно Михаилу, а не другому сыну Андрея — Ивану (ум. до 1483 г.), у которого были свои наследники. Я допускаю, что движимое имущество Михаила может быть отражено в его духовной грамоте (существующей в трех вариантах — двух черновых и беловом) неполно. Тем не менее, это обстоятельство не может служить серьезным аргументом в пользу присутствия шлемов в белоозерской казне Михаила. Учитывая, что в списке завещанных Ивану III вещей нашлось место «круживу кожушному нецелому с зарукавьем» и «одеялу на атласе на синем» (ДДГ. С. 310, № 80), отсутствие в нем золотых шлемов («доспеха» или «снасти») указывает скорее на то, что у Михаила их не было, чем на то, что их не упомянули. Наконец, заслуживает критики и уверенность С. Н. Богатырева в использовании шлемов из казны Ивана Красного при создании Шапки Мономаха. Принимая во внимание все сказанное выше, у нас нет причин считать, что эти шлемы имели статус фамильных реликвий в великокняжеской семье, равно как и то, что они вообще (как и память о них!) дошли до Василия III. Кроме того, в казне Василия III в предполагаемый С. Н. Богатыревым период создания Шапки Мономаха находились, по меньшей мере, еще два украшенных шлема. Ими были завещанные Василию III в 1521 г. Дмитрием Ивановичем Жилкой (1481–1521) «*два чичака золоты*» (см. примеч. 55), очень похожие по описанию на шишаки из казны Ивана Красного. Эти предметы, с точки зрения их происхождения, имеют более прямое отношение к традиции великокняжеской власти, чем имущество удельных можайских князей, проигнорированное, кстати сказать, Иваном III. Другими словами, сама идея о том, что при создании главной государственной регалии Василию III понадобилось привлечь забытое наследство удельных князей, представляется мне неубедительной.

не был востребован последующими московскими государями, и «шлем наследника» так и не вошел в России в число династических регалий.

* * *

Как упоминалось в начале статьи, шлем украшен орнаментом, имитирующим арабскую надпись.

Впервые такое заключение было сделано А. А. Бобринским⁵⁷, позицию которого разделяли и шведские исследователи⁵⁸. Вплоть до недавнего времени декоративный характер «надписи» не подвергался сомнению в историографии⁵⁹. Неудачная попытка оспорить устоявшуюся атрибуцию была предпринята С. Н. Богатыревым: «В наголовье шлема расположены куфические знаки. Долгое время они считались бессмысленной имитацией арабской вязи, однако в последнее время два специалиста по арабскому языку независимо друг от друга предположили, что это действительно надпись, читаемая как “Аллах Мухаммед” (сокращенный вариант фразы “Велик Аллах, и Мухаммед пророк его”)⁶⁰. Аргументируя свою позицию, С. Н. Богатырев ссылается на «анонимного арабиста», мнение которого озвучено в англоязычной работе С. Руби⁶¹, и на «перевод генерального консула Ирана в Москве Сейеда Голамреза Мейгуни»⁶². Обращение к анонимному мнению выглядит, на мой взгляд, не вполне уместным в академической публикации. Что касается Сейеда Голамреза Мейгуни, то он является генеральным консулом Исламской республики Иран не в Москве, а в Астрахани, и, кроме того, никогда не был автором атрибуции «надписи» на шлеме.

В действительности утверждение о наличии на шлеме арабской надписи было высказано переводчиком Генерального консульства Исламской республики Иран и преподавателем персидского языка Арашем Амирханлу при посещении им астраханского Музея Боевой славы, где шлем был выставлен на временную экспозицию в 2009 г.⁶³ По мнению А. Амирханлу, надпись читается как «Аллах Мухаммед», повторяется по венцу шлема семь раз, и является сокращением знаменитой суры «Велик Аллах, и Мухаммед пророк его». Эта версия документально зафиксирована сотрудниками Музея Боевой славы Е. Г. Арутюновой и Н. В. Курьяновой в их официальном отчете, датированном июнем 2009 г.⁶⁴ Об «арабской надписи» на шлеме Ивана Грозного в нем

⁵⁷ Бобринский А. А. Шлем Ивана Грозного... С. 316–325.

⁵⁸ Cederström R. Rysk från 1500-talet, ej persisk-mongolisk från 1400-talet // Kunst og Haandverk. Nordiske studier. Kristiania, 1918. S. 47–55.

⁵⁹ Якобсон А. Л. Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. М., 1971. Т. IV. № 167. С. 239; Miller Y. A. Various Categories of Oriental Helmets... P. 61.

⁶⁰ Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 188.

⁶¹ С. Н. Богатырев приводит следующую ссылку: Ruby S. The Kremlin Workshops of the Tsars and Foreign Craftsmen: c. 1500–1711. Ph. D. Dissertation. Courtauld Institute of Art. London, 2008. P. 169. (Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 188, примеч. 66.)

⁶² С. Н. Богатырев указывает следующий ресурс: www.inauka.ru/news/article92801 (дата посещения — 16.02.2011). В настоящее время ссылка неактивна (Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 188, примеч. 65).

⁶³ Шлем Ивана Грозного, возможно, таит сенсацию (репортаж) // URL: www.5-tv.ru/news/20327/ (дата посещения — 28.04.2013).

⁶⁴ Содержание этого документа уже цитировалось мною: Игина Ю. Ф. Мемория Лжедмитрия I как способ легитимации и манифестации его власти // Одиссей: Человек в истории. М., 2012. С. 317, примеч. 88; см. также примеч. 15 настоящей статьи.

сказано следующее: «Она долгое время считалась имитацией арабской надписи. Выставку в Астраханском музее Боевой славы [...] посетила делегация иранского консульства. Переводчик делегации перевел надпись (сделана на редком диалекте арабского языка). Надпись гласит: “Аллах Мухаммед Аллах Мухаммед” и так по окружности венца шлема. Возможно, это сокращенный вариант известного выражения “Велик Аллах, и Мухаммед пророк его” или другой суры, являющейся как бы обережной». Очевидно, что именно это «сенсационное» заявление было растиражировано СМИ с ошибочным указанием на авторство⁶⁵ и в таком виде оказалось востребовано С. Н. Богатыревым (в чем его поддержал С. П. Орленко⁶⁶).

Утверждение о том, что «надпись» на шлеме Ивана Грозного имеет какой-либо смысл, кроме декоративного, не разделяется востоковедами. Так, в отчете от 26 июля 2011 г. Барбары Бруни (Barbara Buni), итальянского специалиста по древневосточным языкам, профессора Флорентийского Университета (Università degli Studi di Firenze, UNIFI), утверждается, что «надпись» не читается ни на арабском, ни на османском турецком языках (хотя и имеет аналогии с андалузско-магрибскими каллиграфическими системами), является имитацией арабских графем и скорее всего была нанесена человеком, не владеющим арабским языком⁶⁷.

Похожее заключение сделано Людвиком Калусом (Ludvík Kalus), специалистом по истории средневекового Востока и исламской эпиграфике, профессором Парижского Университета (Париж IV Сорбонна) и директором сектора исторических и филологических наук в l'École Pratique des Hautes Etudes (EPHE) в Париже. Оно звучит следующим образом:

«Текст, написанный “арабским” шрифтом на шлеме, выполнен наверняка не для того, чтобы его читали, он имеет декоративное или символическое значение. Таким образом, речь идет о повторяющейся группе букв, формирующей, возможно, два слова. Но местами встречается несколько “букв-паразитов”, в которых как раз и проявляется декоративный характер всего текста. Я не думаю, что эти два слова можно прочесть как “Аллах” и “Мухаммед”, как предполагалось в “описании”, которое Вы мне любезно переслали⁶⁸. Кроме того, наличие этих двух имен на шлеме, принадлежащем немусульманскому правителю, было бы более чем странным. <...>

Возможно, здесь присутствует формула “’izz dâ’im (“вечное могущество”), которая, безусловно, начинает выходить из употребления в ту эпоху, но еще встречается, от раза к разу, в Иране или в Турции. Прежде она была весьма распространена во всем мусульманском мире как изъявление преданности монарху. <...> Эта формула могла быть нанесена на шлем по персидскому или турецкому образцу, так как если бы она писалась на арабском, то там был бы арабский определенный артикль, то есть, “al-’izz al-dâ’im”. Варианты без определенного артикля были очень распространены в неарабском мусульманском мире. Но мое предложение “прочтения” этой формулы очень гипотетично, разобрать ее можно только очень приблизительно. Так что это скорее “теоретическое” предложение. Транскрипция в декоративных целях этой формулы, какой бы она ни была, была, вероятно,

⁶⁵ Расшифрована арабская надпись на шлеме Ивана Грозного (репортаж) // URL: www.izvestia.ru/news/452375 (дата посещения — 17.03.2012).

⁶⁶ Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских... С. 443.

⁶⁷ Заключение Барбары Бруни мне приходилось цитировать ранее: Игина Ю. Ф. Мемория Лжедмитрия I... С. 317, примеч. 89.

⁶⁸ Речь идет об упомянутом ранее отчете Е. Г. Арутюновой и Н. В. Курьяновой.

выполнена кем-то, кто владел плохо (или не владел вообще) арабским шрифтом и потому передал текст очень свободно»⁶⁹.

Имитацией арабографического письма «надпись» на шлеме признается и Р. М. Шукуровым, профессором МГУ, сотрудником Музея Востока в Москве и членом международной научной организации Central-Eurasian Studies Society (CESS, Harvard, USA). По замечанию ученого, такого рода имитации арабской письменности на вещах (ткани, металл, камень) были характерны для христианского Средиземноморья и не являлись редкостью на предметах восточного происхождения⁷⁰.

Присутствие на шлеме Ивана Грозного имитации арабской надписи — случай не уникальный и для вооружения московской высшей знати. Такие псевдонадписи встречаются на предметах из Оружейной палаты в Москве⁷¹, Королевской Оружейной палаты в Стокгольме и Государственного Эрмитажа⁷². Весьма любопытной представляется арабографичная имитация на бутурлыках (поножах) первой половины XVII в. из кремлевской коллекции (ОР-4103/1–2), так как по своему типу она схожа с той, что на шлеме Ивана Грозного⁷³.

Имитацией арабского письма эта «надпись» была признана в XIX в. ахунум московского Мухаммеданского общества, имамом Магомедом Рафиком и его сыновьями муллою Хейреддином и муллою Зейэджином Агьевыми, которые разбирали арабские надписи на оружии из кремлевского собрания⁷⁴. В настоящее время это

Рис. 6. Булатный бутурлык. Хромофотография из издания «Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Императора Николая I». Москва, 1853. Отд. 3: Броня. № 53.

⁶⁹ Заключение, сделанное Л. Калусом после изучения «надписи», озвучено исследователем 26 августа 2012 г. в личной переписке с автором статьи и публикуется с его согласия.

⁷⁰ Точка зрения Р. М. Шукурова о характере «надписи» на шлеме была изложена ученым в личной переписке с автором 19 декабря 2013 г. и приводится с его любезного разрешения.

⁷¹ В описи 1884 г. среди предметов с псевдонадписями упоминаются шлемы (4388, 4434–35, 4439), бехтерец (4564), зеркальный доспех (4584), наручи (4647, 4648, 4651, 4652, 4653, 4683), бутурлыки (4717) (Опись Московской оружейной палаты. М., 1884. Ч. 3. Кн. 2. С. 20, 43, 87, 91, 25, 168). Мне, к сожалению, не удалось ознакомиться с этими предметами.

⁷² Кроме упомянутого выше шлема (З. О. 7613) в собрании Арсенала Эрмитажа имеется круглый щит и боевой молот, украшенные псевдонадписями (с.: Miller Y. A. Various Categories of Oriental Helmets... P. 77, note 25).

⁷³ Псевдонадпись на бутурлыках воспроизведена на хромофотографии Ф. Г. Солнцева в третьем отделении (Броня) многотомного издания «Древности Российского Государства» (1846–1853) под номером 53 (Древности Российского государства. С. 345, рис. 53).

⁷⁴ Разобранные семейством Агьевых надписи зафиксированы в рукописной описи, составленной Лукианом Яковлевым в 1862–1865 гг. (ОРИПФ ММК. Ф. 1. Д. 73. 1863 г.). На ее основе была составлена опись, опубликованная в 1884 г. (Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. Кн. 2. С. 170).

заклучение разделяют Л. Калус⁷⁵ и Р. М. Шукуров⁷⁶, к которым я имела честь обращаться за консультацией. В то же самое время С. П. Орленко, опираясь на мнение И. В. Волкова, трактует орнамент на бутурлыках как «повторение одного слова, написанного с ошибками и вариациями и означающего в переводе “*принявший ислам мусульманин*”»⁷⁷. В изложении С. П. Орленко, отметившего сходство «надписей» на бутурлыках и шлеме, остается непонятным, как «слово», встречающееся в «надписях» на обоих предметах, может означать в первом случае «принявший ислам мусульманин», а во втором — являться частью фразы «Аллах Мухаммед». Тем более что существует еще один предмет с псевдо-надписью того же типа⁷⁸, чего, правда, С. П. Орленко не заметил. Речь идет о зеркальном доспехе XVI в. из Королевской Оружейной палаты в Стокгольме (23 462 (2545:a)⁷⁹), предположительно захваченном шведами у русских в 1573 г. близ Лоды.

И в данном случае имитация арабской надписи истолкована С. П. Орленко как «выполненное без огласовок и точек, с отклонениями в орфографии» слово, «которое может означать “*здоровый, нормальный, невредимый, настоящий, неподдельный, здравый, свободный (от чего-л.)*”»⁸⁰.

Шлем Ивана Грозного и зеркальный доспех из Стокгольма и бутурлыки из Оружейной палаты, при всем их стилистическом различии, объединяет не только однотипный орнамент, имитирующий арабскую письменность, но и происхождение из московской казны (в первых двух случаях — предполагаемое). И здесь предположение С. П. Орленко о том, что «при создании доспеха с декором восточного типа мастерами Оружейной палаты или Бронного приказа отдельные слова или небольшие группы слов (арабские. — Ю. И.) могли воспроизводиться с относительно высокой точностью и, циклически повторяясь, создавали собой эффектные “каймы и клейма”»⁸¹,

Рис. 7. Зеркальный доспех. Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 23462 (2545а). Фотография © Livrustkammaren. Фотограф — Göran Schmidt.

⁷⁵ Мнение высказано Л. Калусом 31 августа 2012 г. в личной переписке с автором: «Pour ce qui concerne les cnémides, il contient pratiquement les mêmes motifs “pseudo-épigraphiques” que le casque. Sur les cnémides, en principe, il n’y a qu’un seul mot qui se répète (à quelques exceptions près) mais ce mot, on le retrouve sur le casque. D’une façon générale, personnellement, j’exclue la possibilité que ces deux objets, les cnémides et le casque, seraient de fabrication musulmane. Le but n’était pas de rendre les formules lisibles». Публикуется с любезного разрешения Л. Калуса.

⁷⁶ Заключение Р. М. Шукурова о характере надписи на бутурлыках в письме к автору от 20 декабря 2013 г. приводится с его любезного согласия.

⁷⁷ Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских... С. 443.

⁷⁸ Однотипность имитаций на всех трех предметах отмечена Р. М. Шукуровым в его письмах к автору от 20 декабря 2013 г.

⁷⁹ Приведенный в статье С. П. Орленко инвентарный номер этого доспеха (23246) является некорректным (Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских... С. 444. Рис. 3).

⁸⁰ Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских... С. 444.

⁸¹ Там же. С. 444.

представляется не совсем верным, так как об арабских надписях в данных случаях речь не идет. Декораторы наносили не слова или группы слов, а орнамент, стилизованный под арабское письмо, т. н. эпитафический. Его присутствие на предметах из кремлевской казны объясняется характерной для московского двора XVI–XVII вв. модой на восточное оружие, которая, в свою очередь, являлась частью более обширного феномена взаимовлияния исламской и христианской культур, и была общей для многих государств Западной и Восточной Европы⁸². В этом смысле попытка С. Н. Богатырева усмотреть в декоре шлема Ивана Грозного нечто большее, чем культурные тенденции (а именно — идейные принципы династической политики Василия III, связанные с персональными устремлениями этого правителя), кажется мне большой натяжкой⁸³.

Эпитафический орнамент сам по себе не может служить атрибутирующим признаком, поскольку географические и хронологические рамки его распространения слишком широки. Однако наличие в декоре трех рассмотренных выше предметов вооружения *однотипных* арабографичных имитаций, при том что они, как отмечает Р. М. Шукуров⁸⁴, не могли быть взяты с реальной арабской надписи, вполне может стать основанием для атрибуции. Хотя предметы имеют различную датировку и отличаются друг от друга по характеру декоративного оформления, сходство псевдонадписей на них трудно назвать совпадением. Представляется, что все три предмета связаны между собой, и псевдонадписи на них, как предполагает Р. М. Шукуров⁸⁵, восходят к общему источнику.

Рис. 8. Зерцальный доспех. Деталь. Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 23462 (2545a). Фотография © Livrustkammaren.

Поиск в этом направлении, основанный на выявлении и анализе других предметов с похожим эпитафическим орнаментом, возможно, прольет свет на важнейший вопрос, который пока не решен, а именно — о мастерах, причастных к украшению шлема Ивана Грозного.

Поскольку весь декор шлема, за исключением кириллической надписи, демонстрирует влияние исламского искусства, шлему обычно приписывается восточное, либо московское производство. Так, Е. Г. Арутюнова предполагает, что шлем был изготовлен на территории Османской империи и подарен малолетнему Ивану Васильевичу турецким султаном⁸⁶. По мнению С. Н. Богатырева⁸⁷, шлем был заказан Василием III где-то на Востоке, при этом кириллическая надпись была нанесена в Москве. Согласно другой версии, шлем целиком сделан в Москве в соответствии с восточными

Васильевичу турецким султаном⁸⁶. По мнению С. Н. Богатырева⁸⁷, шлем был заказан Василием III где-то на Востоке, при этом кириллическая надпись была нанесена в Москве. Согласно другой версии, шлем целиком сделан в Москве в соответствии с восточными

⁸² Среди комплексных исследований по этой проблеме в зарубежной историографии см.: *Atasoy N., Uluç L. H. Impressions of Ottoman Culture in Europe: 1453–1699. Istanbul, 2012.*

⁸³ *Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 188–189.*

⁸⁴ В письме к автору от 20 декабря 2013 г.

⁸⁵ В письме к автору от 20 декабря 2013 г.

⁸⁶ Из отчета Е. Г. Арутюновой и Н. В. Курьяновой: «Характер украшений на шлеме, наличие арабской надписи позволяют предположить, что, возможно, шлем был изготовлен на территории Османской Порты и подарен малолетнему сыну великого князя Василия Ивановича». Авторы не называют имени дарителя, но, видимо, ими подразумевается султан Сулейман I Великолепный, правивший Османской империей с 1520 по 1566 гг.

⁸⁷ *Богатырев С. Н. Шапка Мономаха и шлем наследника... С. 188.*

традициями⁸⁸, возможно, как предположил Нильс Дрейхольт, трудившимся в Москве иранским мастером⁸⁹.

Проблема здесь в том, что шлем Ивана Грозного, при всей своей типологической принадлежности к группе сфероконических шлемов, имевших широкое хождение на территории России, Ирана и Турции в XV–XVII вв., не имеет прямых аналогов. Исследователям пока

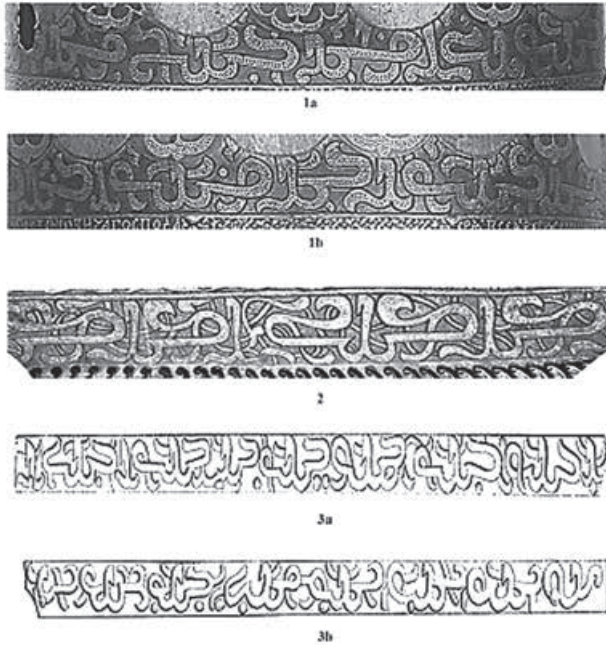

Рис. 9. Псевдокуфические надписи: 1а, 1б — шлем Ивана Грозного; 2 — зеркальный доспех; 3а, 3б — бутурлыки.

не известен предмет защитного вооружения, который имел бы тот же самый декор, выполненный в тех же техниках и той же рукой, что шлем Ивана Грозного. Фактически, шлем признается в научной традиции уникальным, что само по себе — большая редкость. И здесь я бы хотела обратиться к некоторым техническим деталям, которые, на мой взгляд, способны несколько прояснить историю создания шлема.

Дело в том, шлем Ивана Грозного демонстрирует ряд специфических повреждений. Прежде всего, к ним следует отнести расположенные почти на середине одной из гладких граней шлема следы большой глубокой вмятины, которая

была выправлена изнутри и заполирована снаружи, а также зашлифованную горизонтальную вмятину под навершием шлема. Эти причиненные оружием повреждения свидетельствуют о том, что шлем Ивана Грозного использовался в качестве боевого, и опровергают традиционное представление о нем как исключительно парадном. Еще более любопытными представляются многочисленные глубокие царапины, которые ясно видны на всех гладких гранях шлема. Такие царапины могли появиться только в результате грубой чистки металла с помощью абразива в связи с сильной коррозией. Разумеется, ржавчина не могла затронуть только гладкие грани шлема. И действительно, при внимательном рассмотрении длинные глубокие царапины обнаруживаются и на декорированной поверхности. При этом они не нарушают целостности позолоты, которая проходит прямо по ним. Невредимым остался золотой декор и на упомянутой выше горизонтальной вмятине, характерной для клинкового оружия. Все это возможно в том случае, если золотой орнамент был нанесен после того, как шлем был почищен, иными словами, если он был редекорирован.

⁸⁸ Мусин А. Е. *Milites Christi Древней Руси: Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета*. СПб., 2005. С. 294, 312; Miller Y. A. *Various Categories of Oriental Helmets...* P. 61; Орленко С. П. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских... С. 442–443.

⁸⁹ Орел и лев... С. 56.

Мне представляется вполне вероятным, что декоративное оформление шлема, которое мы видим сейчас, не является изначальным. В пользу такого заключения говорит еще одна деталь. На некоторых гладких гранях шлема, прямо над дугообразными линиями, обозначающими границы граней, можно разглядеть остатки гравированных завитков, которые являются частью эпиграфического орнамента. Они указывают, что арабографичную псевдонадпись зашлифовали и когда-то она была несколько шире, чем сейчас. Похоже, псевдонадпись составляла первоначальный декор шлема и после чистки была вписана в его новую декоративную программу.

Если шлем Ивана Грозного был редекорирован и золоченый декор относится к более позднему времени, чем сам шлем, то уместно ставить вопрос о раздельной датировке шлема и владельческой надписи на нем (сделанной, безусловно, той же самой рукой, что и весь золотой орнамент). При этом датировка надписи (поскольку именно последняя называет владельца) является принципиальной при атрибуции шлема. В случае если надпись, как следует из ее содержания, была нанесена в период малолетства Ивана Грозного, необходимо объяснить, почему для великокняжеского сына был редекорирован бывший в употреблении шлем и с чем такое решение было связано. Учитывая специфику надписи, неясное происхождение и предназначение шлема, а также его несоответствие возрасту ребенка, о которых подробно говорилось ранее, не исключено, что надпись, как и весь золотой орнамент на шлеме, не имеет отношения к периоду первых трех лет жизни Ивана Грозного. В таком случае, принадлежность шлема малолетнему Ивану Васильевичу вообще может быть поставлена под сомнение. Оба варианта представляются мне в равной степени возможными и недоказуемыми без тщательного исследования, которое только предстоит провести. В настоящее время я предпочитаю не спекулировать на сей счет и оставить вопрос открытым. Но здесь нужно упомянуть вот о чем.

Предположение о фиктивности владельческой надписи не является таким уж невероятным, учитывая, что московская казна была разграблена в Смутное время. Это историческое событие стало удобной легендой для тех, кто был способен создать соответствующую подделку, одним из ярких примеров чему является юшман⁹⁰ из собрания Государственного Эрмитажа (З. О. 7611)⁹¹ с «владельческой» надписью: «БОЖИЕЮ МИЛОСТЬЮ МЫ ВЛАДИМИРЪ КНЯЗЬ СЫН АНДРЕЕВ ВНУК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИВАНА», «БРАТ ИВАНА ЦАРЯ РОСЕЙСКОГО ВСЕМОГУЩАГО БОГА ДЕЙСТВОМЪ ИЗВОЛИВЪ СЕЙ ОМШАН (sic!)», «СОТВОРИ МОСКОВСКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМЕРУ АНДРЕЕВИЧУ 5 ЛЕТ КНЯЖЕНИЯ ЕГО 17 ЛЕТ ВОЗРАСТА ЕГО». Надпись называет владельцем князя Владимира

Рис. 10. Шлем Ивана Грозного. Деталь. Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20389 (2634). Фотография © Livrustkammaren. Фотограф — Nils Drejholt.

⁹⁰ Юшман — разновидность кольчато-пластинчатого доспеха.

⁹¹ Художественное оружие. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки (центр Эрмитаж–Казань, 10 февраля – 9 октября 2011 г.). СПб., 2010. С. 164, кат. № 340.

Андреевича Старицкого (1533–1569), при этом содержит в себе фактические ошибки, которые не могли быть допущены в случае принадлежности доспеха этому историческому лицу. Так, Владимир Старицкий никогда не был московским князем: с 1541 г. он был князем старицким, а с 1566 г. — князем дмитровским. Кроме того, на семнадцатилетие Владимира, которое было в 1550 г., приходилось не пять, а девять (если считать с 1541 г., когда с него была снята опала), либо тринадцать (если считать с 1537 г., в котором умер его отец) лет его старицкого княжения. Предметы вооружения с легендой о происхождении из Московии досмутного времени особенно распространились в XVIII–XIX вв., на которые в Европе приходится череда антикварных «бумов». Примечательно, что наиболее популярными среди такого рода «русских древностей» (необязательно фальшивых, с точки зрения принадлежности к эпохе) были шлемы восточного производства с легендой «царя Ивана Грозного»⁹².

В заключение необходимо сказать несколько слов о сквозном повреждении на венце шлема Ивана Грозного. Поскольку оно проходит по декорированному участку шлема, оно могло появиться только после того, как шлем был редекорирован, и потому его следует полагать более поздним, чем повреждения, упомянутые выше. Говоря о времени появления и характере этой пробоины, мне кажется очевидным, что она не имеет отношения ко времени Ивана Грозного. К тому времени как царь повзрослел для участия в походах, надпись на шлеме уже не отражала его реальный политический статус и титул, и поэтому шлем, если он принадлежал Ивану IV, не мог быть использован им в публичном контексте. В этом смысле гипотеза о захвате шлема в качестве трофея при Лоде в 1573 г. представляется мне маловероятной — шлем вряд ли мог входить в походную казну Ивана IV.

* * *

Подводя итоги моего предварительного исследования, прежде всего необходимо сказать следующее. Шлем Ивана Грозного относится к числу памятников вооружения, чье изучение еще только начинается. Знания, накопленного специалистами об этом предмете, пока недостаточно, чтобы делать на его основе конечные выводы и строить широкие исторические обобщения. Необходимо констатировать, что нам не известны документальные,

Рис. 11. Шлем Ивана Грозного. Деталь. Королевская Оружейная палата, Стокгольм, инв. № 20389 (2634). Фотография © Livrustkammaren. Фотограф — Nils Drejholt.

⁹² Один из шлемов с легендой «царя Ивана Грозного» находился в коллекции Леопольда Дубля (Léopold Double), которая была распродана 30 мая – 4 июня 1881 г. в аукционном доме Чарльза Пилле (Charles Pillet) в Париже. Описание шлема в каталоге выглядит следующим образом: «BEAU CASQUE à bombe sphérique cannelée se terminant en pointe, avec garde nuque, visière et pare-oreilles, entièrement couvert d'entrelacs gravés et dorés. Ce casque, de forme orientale, mais don't la gravure rappelle les armes allemandes du XVI siècle, aurait appartenu à Ivan le Terrible» (Catalogue des Objets d'Art tableaux anciens livres composant la collection Double. Dont la vente aura lieu rue Louis-le-Grand, 9. Les Lundi 30, Mardi 31 Mai, Mercredi 1 Juin, et les trois jours suivants, à deux heure. Paris, 1881. P. 77, lot 230).

иконографические или иные источники, свидетельствующие о шлеме Ивана Грозного до середины XVII в. По этой причине все попытки интерпретировать историю его создания и конкретное предназначение остаются на уровне догадок и домыслов. Затрудняет наше понимание рассматриваемого памятника и то, что до сих пор не проведена его комплексная оружейведческая экспертиза, включающая в себя металлографический, рентгенографический, трасологический и другие виды специального анализа. По крайней мере, такой вывод напрашивается при обращении к существующим публикациям, число которых крайне невелико.

Тот факт, что шлему Ивана Грозного не предложено пока удовлетворительного объяснения и он остается настоящей загадкой для исследователей, связан, на мой взгляд, со сложившимся в историографии представлением о нем как памятнике, декоративное оформление которого всегда оставалось неизменным и в своем нынешнем виде является для шлема изначальным. Однако существует ряд признаков, которые, по моему убеждению, указывают, что шлем был редекорирован и золотой декор на нем относится к более позднему времени, чем сам шлем. Эта специфическая особенность памятника, как мне представляется, позволяет объяснить некоторые противоречия, связанные с его атрибуцией, или, по крайней мере, взглянуть на них иначе.

Датировка шлема является одним из основных вопросов, занимающих исследователей шлема. Хотя за датирующий признак в историографии единогласно принималась присутствующая на шлеме кириллическая надпись, ученые до сих пор расходились во мнении по этой проблеме. Исходя из содержания надписи, единственно возможным периодом появления шлема являются 1530–1533 гг. Однако эта датировка входит в противоречие с массой шлема, которая не позволяет признать шлем однозначно детским, изготовленным специально для малолетнего Ивана Васильевича. Указанное противоречие снимается, если допустить, что владельческая надпись вместе со всем золотым декором была сделана на уже бывшем в употреблении шлеме в период первых трех лет жизни Ивана Грозного. В этом случае датировка 1530–1533 гг. может распространяться только на декоративное оформление шлема, а сам он должен быть признан старше, чем золотой орнамент на нем. В то же самое время нельзя исключать, что золотой орнамент и владельческая надпись не имеют отношения к периоду малолетства Ивана Грозного и были сделаны гораздо позднее. В этом случае, при том что шлем может датироваться временем Ивана Грозного или более ранним, его принадлежность малолетнему Ивану IV ставится под сомнение.

Вопрос о происхождении и обстоятельствах создания шлема представляется наиболее сложной частью атрибуции предмета, и ответить на него пока невозможно. Прежде всего, мы ничего не можем сказать о заказчике шлема, поскольку владельческая надпись не сообщает нам о нем никаких сведений. Предположение С. Н. Богатырева о причастности к заказу шлема Василия III не подтверждается, на мой взгляд, самим фактом присутствия на шлеме владельческой надписи вместо дарственной, характерной для персональных даров в великокняжеской семье, а также содержанием надписи, которое позволяет рассматривать упоминание имени Василия III исключительно как указание на происхождение Ивана Грозного. Не подкрепляется оно и метрическими данными шлема, которые не дают нам повода усмотреть в рассматриваемом предмете индивидуально заказанную вещь, рассчитанную на ребенка. Иными словами, я пока не вижу убедительных оснований рассматривать шлем Ивана Грозного как заказ отца-правителя для сына-наследника и считать его в этом смысле подобным шлему царевича Ивана.

Данные о статье

Автор: Игина, Юлия Федоровна — кандидат исторических наук, докторант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, iginayulia@hotmail.com

Заголовок: Казус шлема Ивана Грозного: к постановке проблемы

Резюме: Статья посвящена шлему Ивана Грозного — одному из наиболее известных памятников защитного вооружения, сохранившихся от эпохи Рюриковичей. В работе поставлен ряд источниковедческих и методологических вопросов, связанных с изучением владельческой и псевдоарабской надписей на шлеме, а также с особенностями декоративного оформления и метрических параметров шлема. Анализируя ключевые признаки, лежащие в основе атрибуции предмета, и рассматривая существующие концепции, связанные с вопросами его датировки, происхождения и предназначения, автор констатирует противоречивость и недостаточность научных знаний об этом памятнике и невозможность его корректной атрибуции на данном историографическом этапе. Автор выдвигает предположение о том, что шлем Ивана Грозного был редекорирован и золотой декор на нем относится к более позднему времени, чем сам шлем, и предлагает пересмотреть устоявшиеся в научной традиции выводы об этом предмете.

Ключевые слова: Иван Грозный, шлем, стокгольмская оружейная палата, репрезентация власти, великокняжеские регалии, шлем наследника, эпиграфика, псевдоарабские надписи, оружие, доспехи

Литература, использованная в статье

Арендт, Всеволод Викторович. Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1928. Т. 4. С. 21–27.

Бобринский, Алексей Николаевич. Шлем Ивана Грозного // Записки Императорского Русского археологического общества. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1898. Т. X. Вып. 1–2. Новая серия. С. 316–325.

Богатырев, Сергей Николаевич. Еще раз о Шапке Мономаха и казне московских князей // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2011. № 2 (10). С. 252–253.

Богатырев, Сергей Николаевич. Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2011. № 1 (9). С. 171–200.

Игина, Юлия Федоровна. Мемория Лжедмитрия I как способ легитимации и манифестации его власти // *Одиссей: Человек в истории*. Москва: Наука, 2012. С. 280–321.

Киртчичников, Анатолий Николаевич. Военное дело на Руси XIII–XV вв. Ленинград: Наука, 1976. 104 с.

Кром, Михаил Маркович. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

Лаврентьев, Александр Владимирович. Царевич — царь — цезарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604–1606 гг. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2001. 240 с.

Лаврентьев, Александр Владимирович. Итальянский меч и его русские владельцы эпохи Смутного времени // Архив русской истории: Сборник Российской государственного архива древних актов. Москва: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 60–77.

Левыкин, Алексей Константинович. Русское церемониальное оружие XVI–XVII вв. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. Москва: Наука, 2004. С. 383–408.

Миллер, Юрий Александрович. Детское и миниатюрное оружие XVI–XVII вв. в собрании Эрмитажа. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2006. 120 с.

Мусин, Александр Евгеньевич. Milites Christi Древней Руси: Воинская культура русского средневековья в контексте религиозного менталитета. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2005. 368 с.

Орленко, Сергей Павлович. К вопросу о деятельности придворных оружейных мастерских до и после Смутного времени // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды третьей международной научно-практической конференции, 16–18 мая 2012 г. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2012. Ч. II. С. 441–456.

Ульянов, Олег Германович. Институт оружейников и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая

- конференция 12–14 мая 2010 года. Санкт-Петербург: Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2010. Ч. II. С. 351–365.
- Якобсон, Анатолий Леопольдович. Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы / Под ред. Н. Н. Воронина, М. Г. Рабиновича. Москва: Наука, 1971. Т. IV. № 167. С. 230–247.
- Atasoy, Nurhan; Uluç, Lale H. Impressions of Ottoman Culture in Europe: 1453–1699. Istanbul: Turkish Cultural Foundation, Armaggan, 2012. 443 p.
- Cederström, Rudolf. Rysk från 1500-talet, ej persisk-mongolisk från 1400-talet // Kunst og Haandverk. Nordiske studier. Kristiania: Cammermeyers, 1918. S. 47–55.
- Krigsbyte. War-booty / Red. Ann Grönhammar, Carl Zarmén, Göran Schmidt. Miller, Yurij Aleksandrovich. Various Categories of Oriental Helmets From the 16th and 17th Centuries and Their European Derivatives // Vaabenhistoriske Aarbøger / Red. Ole Skøtt. Vaabenhistorisk Selskab / Devantier, Næstved, 2006. Nr. 51. P. 52–80.
- Ruby, Scott Douglas. The Kremlin Workshops of the Tsars and Foreign Craftsmen: c. 1500–1711. Ph. D. Dissertation. Courtauld Institute of Art. London, 2008. 367 p.
- Sandstedt, Fred. Schischak-Szyszak-Zischägge. Analys av åatta hjäälmar av orientalsk typ i Livrustkammaren // Livrustkammaren. Stockholm, 1985. Vol. 17. Nr. 7. S. 7–52.

Information about the article

Author: Igina, Yuliya Fedorovna — Ph. D. in History, postdoctoral student, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, iginayulia@hotmail.com

Title: The casus of Ivan the Terrible helmet: To the problem statement

Summary: The article is devoted to the helmet of Ivan the Terrible, one of the most well-known piece of armour, which has survived to our days since the time of the Rurik dynasty. The article deals with a number of issues of source criticism and methodology regarding the study of the possessory and pseudo Arabic inscriptions on the helmet, as well as the particularities of its decorative design and physical characteristics (size, weight). On the basis of the analysis of the key features for the attribution of the helmet and the existing concepts concerning its dating, provenance and the intended purpose, the author points out the inconsistency and the lack of scientific data on the monument, which makes it impossible to attribute it correctly at present. The author hypothesizes that the helmet of Ivan the Terrible was redecorated, and that its gilded decoration dates back to a later period than the helmet itself. The author suggests that the traditional scholarly views on the helmet of Ivan the Terrible should be reconsidered.

Keywords: Ivan the Terrible, helmet, shishak, Royal Armory, Stockholm, representation of power, grand prince, regalia, heir, Vasilii III, dynasty

References

- Arendt, Vsevolod Viktorovich. Palash boyarina Izmaylova [Broadsword of boyar Izmaylov], in *Trudy sektsii arkheologii Rossiyskoy assotsiatsii nauchno-issledovatel'skikh institutov obshchestvennykh nauk*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1928. Vol. 4. Pp. 21–27 (in Russian).
- Bobrinskiy, Aleksey Aleksandrovich. Shlem Ivana Groznogo [Helmet of Ivan the Terrible], in *Zapiski Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1898. Vol. X. Issue 1–2. Novaya seriya. Pp. 316–325 (in Russian).
- Bogatyrev, Sergey Nikolaevich. Yeshche raz o Shapke Monomakha i kazne moskovskikh knyazey [Once More on the Cap of Monomakh and the Treasury of the Muscovite Princes], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 2 (10). Pp. 252–253 (in Russian).
- Bogatyrev, Sergey Nikolaevich. Shapka Monomakha i shlem naslednika: reprezentatsiya vlasti i dinasticheskaya politika pri Vasilii III i Ivane Groznom [The Cap of Monomakh and the Helmet of an Heir. The Representation of Power and Dynastic Policy under Vasilii III and Ivan the Terrible], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2011. № 1 (9). Pp. 171–200 (in Russian).
- Igina, Yuliya Fedorovna. Memoria Lzhedmitriya I kak sposob legitimatsii i manifestatsii ego vlasti [Memoria of False Dmitry I as a way of legitimizing and manifestation of his power], in *Odyssey: Chelovek v istorii*. Moscow: Nauka Publ., 2012. Pp. 280–321.
- Kirpichnikov, Anatoliy Nikolaevich. *Voennoe delo na Rusi XIII–XV vv.* [Military affairs in Russia in 13th–15th centuries]. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 104 p. (in Russian).

- Krom, Mikhail Markovich. «*Vdovstvuyushchee tsarstvo*»: *Politicheskiy krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [“*Dowager kingdom*”: *The political crisis in Russia 30–40-ies of the XVI century*]. Moscow: New Literary Review Publ., 2010. 888 p. (in Russian).
- Lavrent'ev, Aleksandr Vladimirovich. *Tsarevich — tsar' — tsezar'*. *Lzhedmitriy I, ego gosudarstvennye pečati, nagradnye znaki i medali 1604–1606 gg.* [Tsarevich — Tsar — Caesar. *False Dmitry I, his state seals, award badges and medals 1604–1606*]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2001. 240 p. (in Russian).
- Lavrentyev, Aleksandr Vladimirovich. Ital'yanskiy mech i ego russkie vladel'tsy epokhi Smutnogo vremeni [Italian sword and its Russian owners of the era of the Time of Troubles], in *Arkhiv russkoy istorii: Sbornik Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov*. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2007. Issue 8. Pp. 60–77 (in Russian).
- Levykin, Aleksey Konstantinovich. Russkoe tseremonial'noe oruzhie XVI–XVII vv. [Russian ceremonial weapons in 16th – 17th centuries.], in *Korolevskiy dvor v politicheskoy kul'ture srednevekovoy Evropy: Teoriya. Simvolika. Tseremonial*. Moscow: Nauka Publ., 2004. Pp. 383–408 (in Russian).
- Miller, Yuriy Aleksandrovich. *Detskoe i miniatyurnoe oruzhie XVI–XVII vv. v sobranii Ermitazha* [Infantile and miniature weapons XVI–XVII centuries in the Hermitage]. St. Petersburg: State Hermitage Museum Publ., 2006. 120 p. (in Russian).
- Musin, Aleksandr Evgenyevich. *Milites Christi Drevney Rusi: Voinskaya kul'tura russkogo srednevekovyia v kontekste religioznoy mentaliteta* [Milites Christi in Old Russia: Russian Military Culture of the Middle Ages in the context of the religious mentality]. St. Petersburg: Peterburg Orientalism Publ., 2005. 368 p. (in Russian).
- Orlenko, Sergey Pavlovich. K voprosu o deyatelnosti pridvornykh oruzheynykh masterskikh do i posle Smutnogo vremeni [To a question on the activities of the court gunsmith before and after the Time of Troubles], in *Voyna i oruzhie. Noveye issledovaniya i materialy*. Trudy tretyey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 16–18 maya 2012 g. St. Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps Publ., 2012. Part II. Pp. 441–456 (in Russian).
- Ulyanov, Oleg Germanovich. Institut oruzheynichikh i razvitie moskovskoy oruzheytoy shkoly v XVI veke [Institute of arms makers and development of the Moscow school of weapons in the XVI century], in *Voyna i oruzhie. Noveye issledovaniya i materialy*. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya 12–14 maya 2010 goda. St. Petersburg: Military-Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps Publ., 2010. Part II. Pp. 351–365 (in Russian).
- Yakobson, Anatoliy Leopoldovich. Khudozhestvennye svyazi Moskovskoy Rusi s Zakavkazem i Blizhnim Vostokom v XVI v. [Artistic communication of Muscovite Russia with Transcaucasia and the Middle East in the 16th century], in Voronin N. N., Rabinovich M. G. (eds). *Drevnosti Moskovskogo Kremlya*. Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR. Materialy i issledovaniya po arkhologii Moskvy. Moscow: Nauka Publ., 1971. Vol. IV. № 167. Pp. 230–247 (in Russian).
- Atasoy, Nurhan; Uluç, Lale H. *Impressions of Ottoman Culture in Europe: 1453–1699*. Istanbul: Turkish Cultural Foundation, Armaggan, 2012. 443 p.
- Cederström, Rudolf. Rysk från 1500-talet, ej persisk-mongolisk från 1400-talet, in *Kunst og Haandverk. Nordiske studier* [Russian from the 1500s, Persian-Mongolian from the 1400s. Kristiania: Cammermeyers, 1918. Pp. 47–55 (in Swedish).
- Grönhammar, Ann; Zarmén, Carl; Schmidt, Göran (eds). *Krigsbyte. War-booty*. Katalog till utställningen (Stockholm, Livrustkammaren, 23 november 2007 – 28 februari 2009). [War booty. Exhibition catalog]. Stockholm: Livrustkammaren, 2007. 285 p. (in Swedish).
- Miller, Yuriy Aleksandrovich. Various Categories of Oriental Helmets From the 16th and 17th Centuries and Their European Derivatives, in Skøtt, Ole (ed.). *Vaabenhistoriske Aarbøger. Vaabenhistorisk Selskab*. Devantier, Næstved, 2006. № 51. Pp. 52–80.
- Ruby, Scott Douglas. *The Kremlin Workshops of the Tsars and Foreign Craftsmen: c. 1500–1711*. Ph. D. Dissertation. Courtauld Institute of Art. London, 2008. 367 p.
- Sandstedt, Fred. Schischak-Szyszak-Zischägge. Analys av åtta hjäälmar av orientalisk typ i Livrustkammaren [Schischak-Szyszak-Zischägge. Analysis of oriental type in the Armory], in *Livrustkammaren*. Stockholm, 1985. Vol. 17. № 7. Pp. 7–52.